

Решетников М.М., д.пс.н., к.м.н., профессор,
ректор Восточно-Европейского Института Психоанализа,
член Ученого совета Философского факультета СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия

АПЕЛЛИРУЯ К РЕАЛЬНОСТИ¹

Исторические процессы духа

В кратком докладе я буду апеллировать к психоанализу Зигмунда Фрейда и концепции «исторических процессов духа» Вильгельма Дильтея, объединяя их общей целью – вникнуть в переживания индивида конкретной эпохи. Это проникновение в переживания, как и все психологическое знание – неочевидно, и в большинстве случаев я не смогу представить Вам каких-либо веских доказательств тем или иным идеям. Более того, учитывая временные рамки моего сообщения, я оставлю все теоретические обоснования «за скобками», и представлю только некоторые фрагменты «истории болезни» современности, обычно ускользающие, как от обыденного внимания, так и от научного анализа. Поэтому, в данном случае целесообразнее говорить не о пленарном докладе, а лишь о попытке обобщить некоторые из наиболее актуальных гуманитарных проблем, каждой из которых будет предпослано психоаналитическое толкование.

Вытеснение

В последние годы становится все более очевидным: что-то происходит с демократическими институтами и идеей гражданского общества. И это «что-то» происходит не только в России. Совсем недавно почти привычными стали новые термины - «управляемая демократия», «суверенная демократия» и т. д. О чем это свидетельствует?

В такой уважаемой аудитории вряд ли уместно апеллировать к периоду формирования демократических идей (XVIII век) и хорошо всем известным понятиям экономической и политической свободы, поэтому обратимся только к этической составляющей лозунга демократии: «равенству и братству». Эта этическая составляющая, по сути, предлагала новую веру: в величие свободы духа и свободной личности. Последний тезис априори предполагал *естественное* (или природное) равенство всех людей, а все имеющиеся формы неравенства рассматривались как искусственные, обусловленные сложившейся в обществе несправедливостью, а также - воздействием морально устаревших социальных институтов. Считалось, что достаточно освободиться от этих институтов, как человек проявится во всем величии своих духовных и физических сил.

И здесь было первое и глубочайшее заблуждение, ибо, как убедительно доказано всем историческим и социальным опытом Человечества, люди не равны по своим физическим, интеллектуальным и духовным качествам, и с этим, как отмечал даже Маркс, ничего нельзя поделать. Тем не менее, на протяжении двух последних столетий формальным критерием развития Европейской цивилизации (и европейского гуманитарного знания) оставалась апелляция к тем нравственным императивам, тем правам и свободам, которые были записаны сначала во французской революционной «Декларации прав человека и гражданина», а затем, уже в середине XX века - во «Всеобщей декларации прав человека».

И хотя провозглашенные принципы «Свободы, равенства и братства» фактически никогда не отвергались и не пересматривались, в XX веке (и особенно – в начале XXI) они претерпели существенные изменения. Но пока – не были переосмыслены, и даже не обсуждаются. Поэтому

¹ Психоаналитическая версия доклада на пленарном заседании «Конгресса по валеологии» (14.12.2006), по разделу «Теория философии».

мы вправе предполагать, что этот травматический аспект демократии просто подвергся вытеснению, со всеми вытекающими последствиями.

Искаженная психическая реальность

Философия позитивизма и либеральная идеология, появившаяся как преемница идей Просвещения, и провозглашающая приоритеты, прежде всего, свободы экономической (следствием чего стало еще более явное неравенство), закономерно привели к появлению социал-демократических, а затем и коммунистических идей.

С психоаналитической точки зрения, причина достаточно очевидна – обесценивание идей Просвещения, из которых постепенно «вытеснялись» идеи всеобщего «равенства и братства», на смену которым закономерно пришли столь же невротически-иллюзорные (а если быть более точным – патологические) идеи парциального звучания: «пролетарского братства», «социалистического единства» и т.д., породившие аффективную разрядку и реки крови, и затем – ушедшие в историю. В итоге, к началу XXI века из всего идеологического обеспечения демократии сохранилась только идея экономической свободы, обретшая новое звучание в другом, на первый взгляд, «терапевтическом», а на самом деле – иллюзорно-спекулятивном лозунге «равенства возможностей». Но и здесь также: и наука, и социальный, и исторический опыт множества поколений тысячекратно подтверждают, что никакого равенства возможностей не было, и нет. Ни для отдельных людей, ни для конкретных наций, ни для тех или иных государств. Официальная демократическая доктрина не предлагает в данном случае никакой объяснительной системы или интерпретации, а граждане демократических стран уже давно живут и действуют в условиях искаженной психической реальности.

Кризис невротического гуманизма

В последнее десятилетие преобладает ощущение, что мы (имеется в виду Человечество в целом) сейчас переживаем или приближаемся к смене парадигмы развития, и эта смена, скорее всего, будет осуществляться чрезвычайно болезненно и ... нецивилизованно. Если мы бросим взгляд на все предшествующие эпохи нашей европейской (Христианской) цивилизации, то, прежде всего, можем заметить, что все они опирались на реальные или иллюзорные гуманитарные концепции. В некотором смысле - гуманизм был стержнем развития европейской цивилизации и, соответственно – стержнем формирования личности европейского типа (невротического типа): ориентация на чувства, на возвышенное и прекрасное, поддержка слабых, забота о сырых и убогих, борьба за справедливость наполняли человечество духовными силами, даже, несмотря на то, что осуществление этих гуманитарных проектов часто граничило с огромной расточительностью и нерациональностью (типично-невротический паттерн). Но именно эти (гуманитарные) аспекты поведения сейчас, как представляется, подвергаются сомнению или – точнее – мало верифицируются на современной картине мира, а невротический тип реагирования на «превратности судьбы» приобретает качественно иные характеристики.

Мы вошли или входим в новую эпоху, о которой было много предсказаний, и многие считали, что это будет гуманитарная эпоха. Не разделяю этих ожиданий, и думаю, что она будет скорее технократически-информационной, с опорой на прагматизм и силу, а не на гуманизм. Более того, думаю, что она уже – почти такая. При этом прошлые достижения в сфере духовной жизни – будут чем-то замещаться. Пока можно только предполагать – чем? Но совершенно очевидно, что наши прежние духовные ценности не могут быть переведены на язык технических систем и, уже поэтому, чужды современной эпохе. Образно говоря: «Как мы можем понять друг друга, если говорим на разных языках?»

При этом одновременно с кризисом гуманитарных идей будут ставиться под сомнение традиционные понятия смысла жизни (откуда происходит рост суицидов), а также - духовные ценности и вера, которые являются не только существенными компонентами мировоззрения современной личности, но и входят в число важнейших механизмов «социальной механики» -

системы власти и управления. Поэтому вслед за модификацией поведения людей, скорее всего, начнется (точнее – уже началась) модификация действующих форм государственной власти практически во всех (самых демократичных) странах.

Паранойальный сдвиг

Когда массы имеют высокие объединяющие идеи, это всегда порождает ту или иную социальную активность, особенно – в молодежной среде. Когда таких идей нет (опять же – прежде всего в молодежной среде) появляется качественно иное явление, которое можно было бы квалифицировать как «социальный активизм», в самом определении которого присутствует некий деструктивный компонент. Как представляется современный социальный активизм отдельных национальных групп, включая наш «родной» русский национализм, впрочем, как и современный фанатизм отдельных направлений мировых религий и их переход в идеи мученичества и терроризма – нужно рассматривать как явления одного порядка, и даже – как звенья одной цепи, а именно – планетарной патологизации общественного сознания, которой вряд ли что-то может быть противопоставлено.

В силу упомянутых выше факторов современная действительность создает особую «питательную среду» для размножения вируса интолерантности и терроризма, развивающегося по известной формуле: «Это не я ненавижу X, а он ненавидит и преследует меня». Безусловно, особо подверженной заражению этим вирусом оказывается категория уже упомянутых социальных активистов. Во всяком случае, никто не заподозрит в террористе, скинхэде или фашисте «пассивную личность», также как и не будет отрицать реальность феномена психического заражения и его особую вирулентность в информационную эпоху.

Психические травмы и травмированные сообщества

Почти все мы живем в многонациональных сообществах, где (несмотря на заметные всем экономические успехи) одновременно существует очень много людей, чьи представления о социальной справедливости подверглись большим испытаниям. Эти люди хранят в себе и давние исторические, и совсем недавние психические травмы и обиды, которые не были отреагированы, и (следовательно) – остаются активно действующими. Это касается и титульных наций и всех остальных. Никакой социальной терапии в этом направлении не проводилось, и не проводится, в том числе – в особо нуждающихся в ней – посттоталитарных обществах. Многие питают иллюзорные надежды на не выдержавшую проверку временем идею «плавильного котла» и иные подобные теории, а националистические настроения растут во всем мире... На фоне безбожного и безыдейного пространства европейской культуры, можно высказать предположение, что национальная идентификация – это последняя форма идентификации, когда уже больше нечем гордиться, и нет никаких объединяющих идей, или – пользуясь выражением Фрейда – утрачена «либидозная конституция массы».

Трансформация родительских структур

Нельзя не замечать и другого: на фоне последовательного усиления государственно-охранительного аппарата во всех развитых странах, граждане чувствуют себя все менее защищенными. Если довести этот тезис до крайности и апеллировать к преобладающим чувствам европейцев, то получится, мягко говоря – мало приятный вывод: государство еще может кого-то наказать, но в ряде случаев и ситуаций уже почти никого не может защитить, включая VIP-персон всех уровней, которых убивают десятками каждый год. Общемировой уровень преступности за последние 30 лет увеличился в 4 раза, а в самых развитых демократиях, таких как США, в 8 раз. В России – только за последние 15 лет - также в 8 раз. Правомерен вопрос: это неизбежное следствие развития демократии или ее побочный эффект? Не уместно ли здесь провести параллель с типичным патогенным фактором, а именно -

отсутствием чувства защищенности, заботы со стороны родителей и их чрезмерной требовательности к ребенку, во многих случаях провоцирующих асоциальное поведение.

Востребованная агрессивность

Мы почему-то упорно не хотим замечать, что не только на постсоветском пространстве, а во всем европейском мире, наряду с ее невротической идеализацией, наблюдается кризис существующей формы демократической власти и ее институтов. Перед каждой личностью появилось слишком много угроз: экологического, техногенного, социального и криминального происхождения, от которых власть не может защитить (а точнее – от которых и она сама в ряде случаев оказывается беззащитной). В связи с этим граждане постепенно «переориентируют» свою лояльность на другие общественные институты (точнее – «организации самозащиты»): в том числе – крупные финансовые и промышленные корпорации с собственными армиями, а также – этнические группы, расы, религии и т.д. Нам хорошо известно понятие «идентификации с агрессором», и не будем развивать этот тезис.

Чем закончилась попытка противопоставить национализму интернационализм – всем очевидно. Мы почему-то не хотим видеть, что живем в обществе, где агрессивность поощряется, и даже более того – низкий уровень агрессивности, как индивидуальная или национальная черта, в некоторых случаях подается как негативное качество (например, в известных фразах «о «горячих» эстонских или финских парнях»). Естественная агрессивность сильно варьирует у различных этносов, и ее нельзя запретить или подавить; ее можно только канализовать и окультурить.

Депопуляция Европы и либидо

Любой нормальный гражданин с огромной симпатией воспринимает заботу государства о повышении рождаемости. Но есть процессы, которыми мы можем управлять, и есть исторические, цивилизационные и планетарные процессы, которые мы можем только отслеживать и заблаговременно приспособливаться к ним. Практически во всех европейских странах наблюдается явная или скрытая амбивалентность к пришлому населению. Однако, по прогнозам авторитетных экспертов, к концу XXI века афро-азиатское население будет составлять не менее 85%-90% планетарной популяции. Уже сейчас все «белое меньшинство» планеты оценивается в 21%, а будет 10% (сейчас в планетарной генерация 20-летних европейцы составляют всего 13%). В ряде европейских стран, включая Россию, от 25 до 40% взрослого населения вообще не планируют иметь детей. Мы явно присутствуем при историческом процессе смены национальной и конфессиональной составляющей всей европейской популяции, и «планирование» этой новой семьи народов, скорее всего – вне нашей компетенции. Преуспев в познании физических законов природы, мы с некоторой наивностью предполагаем, что способны менять ход истории, опираясь при этом не столько на новые идеи, сколько на силу. Мы с вами лучше других знаем, что психическая энергия и сила мышц – это совершенно разные понятия. А «...идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, а то, что Бог полагает о ней в вечности»¹

Психоз и эстетика зла

Уверен, что многие не согласятся, но наши демократические ценности сильно обветшали, более того, необходимо признать, что они во многом дискредитировали себя, и уже не имеют того пафоса и привлекательности, за которые когда-то шли на баррикады и на смерть. Конфликт «между Я и внешним миром» нарастает, и мы знаем – какие формы психических расстройств при этом возникают. Мы не заметили того, как после долгого периода развития по

¹ Соловьев В. Русская идея. – М.: Республика, 1992, с. 187.

пути европейского христианского гуманизма, пришедшего на смену искренней вере, оказались без веры и без идей. Мы все еще прибегаем к высокому слогу при описании современной действительности и все чаще снисходительны к злу. Это звучит не очень убедительно, но давайте повнимательнее всмотримся в лицо современного кинематографа, который удовлетворяет наши эстетические потребности. К тем - кто, отвергая идентификацию с насилием, будет отрицать победное шествие эстетики зла по всем каналам СМИ, возникает второй вопрос: откуда такая потребность в идентификации с жертвой? Мы последовательно психопатологизируем общество, а затем пытаемся улучшить его законодательным путем, провоцируя еще большее углубление конфликта.

Нарциссическое расстройство

Нашими общими усилиями мы создали высокую духовную и материальную культуру, получившую название европейской. Но она не единственная. Последнее столетие мы стали сначала объединять, а потом путать культуру с техническим прогрессом, а позднее технический прогресс с цивилизационным процессом, который нарциссически идентифицируется нами только с Европейской цивилизацией¹. Нет ли здесь заблуждения, или даже ряда заблуждений? Действительно ли весь неевропейский мир, в котором сейчас живет 79% населения планеты, страстно желает присоединиться к нашей преимущественно благоухающей, но местами дурно пахнущей алкоголем, безверием, наркотиками, распадом семьи, проституцией, порнографией, коррупцией и продажностью цивилизации? А если они не захотят? Какое наказание ждет инакомыслящих со стороны тех, кто столетиями отстаивал право на инакомыслие? Не прослеживается ли здесь некая идея цивилизационного превосходства, которое ничуть не лучше расового или национального.

Заключение

Слишком многое свидетельствует, что мы пришли к началу нового века с весьма противоречивым, достаточно аффективным и мало осмысленным багажом достижений и утрат предшествующих столетий и даже тысячелетий. Все предшествующие империи и цивилизации были конечными. Почему наша должна быть исключением? Тревога небытия категорически отвергает такой исход – ведь мы почти убедили себя, что живем в мире, управляемом на основе научных подходов, в мире, где нет места иррациональному. На самом деле, следовало бы согласиться с Фрейдом, что «царство разума» все еще далеко, возможно, даже дальше, чем в то время, когда прозвучала эта фраза. А теория Фрейда остается такой же современной, как и сто лет назад.

¹ Чрезвычайно удивительно, что даже некоторые специалисты считают невозможным строго дифференцировать культуру, технический прогресс и цивилизацию. Культура – сакрального происхождения, идет от культа, а затем - из храма, она возвышена, духовна, исходно аристократична и персонифицирована, то есть – имеет высоких носителей, формирует (соответствующие конкретной эпохе) систему ценностей, идеалы и смыслы бытия. Культура – это то, что делает людей личностями. Технический прогресс – мирского происхождения, он ориентирован в основном на удовлетворения телесных потребностей, начиная от орудий охоты и земледелия, и кончая всеми современными попытками покорения природы и народов (как части живой природы); он имеет свои методы, орудия и даже выдающиеся достижения, которыми может воспользоваться любой человек, в том числе - обезличенный. Цивилизация, в данном случае, в отличие от ее традиционного понимания как «уровня общественного развития» – рассматривается как непрерывный исторический процесс, развивающийся по своим (природным, в частном случае – социальным) законам, относительно независимым ни от культуры, ни от технического прогресса; а все ее формы, начиная от древнейших до современных, принадлежат к единой земной цивилизации.